

Гейдар Джемаль

Давид против Голиафа

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 83.014.4
Д40

Джемаль Г. Д.

Давид против Голиафа / Джемаль Г. Д. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 410 с.

ISBN 978-5-532-95213-3

Главная проблема современного человечества — исчезновение идеологии протеста. Протест есть как инстинкт, как практика, однако алгоритм протеста ликвидирован вместе с демонтажем классического марксизма. Марксизм на поверку оказался просто крайне левой формой либерализма. «Преодоление отчуждения» по Марксу на деле сводится к устранению трансцендентного измерения человека: человек должен, с точки зрения левых, стать вполне имманентным самодостаточным существом, растворенным в объективной реальности. Это тупик! Начнем протест с чистого листа: доведем отчуждение человека до абсолютной степени. Пойдем путем «антифейербаха»: человек есть просто инструмент Божественного провидения. Он не более чем исполнитель великого делания, цель и смысл которого выходит далеко за пределы антропологического пространства. Парадоксальным образом именно на этом пути предельного «отчуждения», трансцендентализации человеческих смыслов открывается тайна настоящей свободы.

ISBN 978-5-532-95213-3

© Джемаль Г. Д., текст, 2009
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Современный кризис интеллекта и возможности его преодоления.	8
Последние станут первыми	15
Кризис реальности	34
Апокалипсис завтра! Контуры войны, революции и мира	34
1.Общество	40
1.1. Власть	42
1.2. Цивилизация	44
1.3. Иерархия. Сакральный авторитет	45
1.4. Государство	47
1.5. Нация	48
1.6. Военное дело	50
2. Сознание	51
2.1. Традиция	53
2.2. Философия	54
2.3. Наука	56
2.4. Идеология	57
2.5. Культура	58
2.6. Информация	59
2.7. Образование	61
2.8. Этика	63
3. Человек. Кризис онтологического статуса	64
3.1. Кризис самоидентификации: миссия на земле	66
3.2. Утрата суверенитета личности. Кризис эго	67
3.3. Кризис статуса (кризис социального эго)	68

3.4. Кризис касты	70
3.5. Кризис либидо (закат любви)	71
3.6. Гендерный кризис	73
3.7. Кризис поколения. Кризис рода	75
4. Политика	76
4.1. Кризис авторитета	77
4.2. Кризис политической цели и политического проекта	78
4.3. Кризис протеста	79
4.4. Кризис территориальной иерархии суверенитетов и вассалитетов	80
4.5. Кризис участия и обратной связи (конец иллюзии единого общества)	81
4.6. Кризис смыслового представительства политических партий	82
4.7. Крах правой идеи	82
4.8. Крах левой идеи	83
5. Экономика	84
5.1. Глобальная ложь экономической науки	85
5.2. Кризис человеческого капитала	85
5.3. Противоречие между овеществленным трудом и живым трудом	87
5.4. Кризис денег	88
5.5. Кредит и ростовщичество	89
5.6. Кризис производительного труда	90
5.7. Кризис отношений собственника и благополучателя	91
5.8. Кризис потребления и материального блага	92
6. Время	93

6.1. Время как способ измерения неопределенного конечным	94
6.2. Забвение личной смерти	96
6.3. Мировая история как драматический сюжет . . .	98
6.4. Кризис прошлого	99
6.5. Энтропия надежды. Отказ от инвестиций в потомков	101
6.6. Банкротство будущего	102
6.7. Чаение конца и «тысячелетнее царство» . . .	104
Теология отрицания как нелиберальный урок Октября . . .	106
Очерки к «Теологическому манифесту»	112
I. Кризис сознания	112
1. Парадоксальная поляризация	112
2. Проблемы человеческого сознания	115
3. Культ объекта	118
II. Крах либерализма и кризис современной истории.	122
1. Бремя истории	122
2. История и общественный интерес	124
3. Эпоха либерализма	125
4. Проблема «модерна»	127
5. Цивилизационный кризис	129
III. Конец философии.	131
1. Постмодернизм как светский апокалипсис . . .	131
Пророческая эсхатология и традиционная доктрина циклов	136
Преамбула	136
Аристотель и вера в линейную неуничтожимость реальности	138

Законы циклов в традиционной метафизике	142
Явление пророков: начало глобальной драмы	147
Длительность цикла и коранический запрет на «вопрошание о Часе»	153
Следующие за Аллахом и следующие за сатаной	156
Наследие Кириллова	161
1. «Сверхчеловек» как главный миф модернизма	161
2. «Человеческое достоинство» павшего ангела	163
3. Воля к смерти	165
4. «Сверхчеловек» и революция	166
5. «Звезда надежды»	169
6. Происхождение трагедии не из «духа музыки» . . .	172
7. Риск «недочеловеческого»	174
8. Все-таки, «герой»!	176
Чертовы куклы. Женщина как объект бесстрастного анализа	183
«Се человек»	194
«Цветы зла»	199
Говорить языком прошлой эпохи уже нельзя	220
Религиозная сущность гражданской войны	234
«С Исламом хотят дружить почти все»	237
Правда реального Ислама	249
Смерть Милошевича и будущее глобального исламского проекта	261
Есть политические нации, но нет этнических государств . .	270
Сколько стоит удар пульса?	278
Тайна беззакония. Криминальная экономика как столп мирового порядка	290
«Двойной охват»	296

Рок или промысел? Империя США – непосредственная угроза современному миру	306
Предпосылки внутриевропейского конфликта	318
Сценарии развязывания Третьей Мировой войны	332
Актуальные проблемы мировой Уммы	345
Насилие вчера, сегодня, завтра	352
Генезис политического насилия в современном мире	358
Медиа в эпоху «постмодерна»	364
Цели медиа вчера и сегодня	364
Медиа и образование	365
Тенденции внутри медиа	366
Скандал как оружие	367
Ближайшее будущее	368
Тоннель без света в конце	370
1. Небескорыстная «наивность» информационных апологетов	370
2. Информация как интеллектуальная энтропия	371
3. Отчуждение личного бытия: вчерашняя и завтрашняя модели	372
4. Эксгибиционизм пред ликом сатаны	374
5. Кто в «Доме» хозяин?	375
Глобальная империя	377
Глобальная борьба с Системой	382
Субъект сопротивления всемирному гнету	395
Интернациональный союз: «История нам должна!»	400
Список использованных источников информации	407
Биография	408

Современный кризис интеллекта и возможности его преодоления.

Доклад на конференции «Дни Петербургской философии – 2007»
Санкт-Петербург, 15 ноября 2007 года.

Если разговоры о кризисе интеллекта, кризисе науки, кризисе точного знания еще не стали общим местом в современном западном дискурсе, то, по крайней мере, очень быстро общим местом становятся. Уже на протяжении восьмидесяти и более лет разговоры о кризисе идут с разной силой, с разными акцентировками. Но, пожалуй, начал эту тему в ее всеобъемлющем характере Гуссерль, который впервые сформулировал, что западная мысль не состоялась в своих сверхзадачах, которые полагались в том, чтобы создать универсальное сознание, универсальный метод, позволяющий интегрально решить все аспекты истины. Он назвал это кризисом смысла. И сегодня вслед за ним очень многие, прежде всего из постмодернистов, которые пришли на волне этого кризиса и являются его экстериоризацией, говорят о кризисе смысла и даже апокалипсисе смысла.

Но что такое кризис? По крайней мере, данный конкретный кризис как внутренняя проблема интеллекта, как внутренний сбой интеллекта. Кризис – это, прежде всего, ложная презумпция, лежащая в основе посылки, которая будучи незамеченной, потом как мина замедленного действия приводит к сбою, приводит к слому системы.

В данном случае Гуссерль попал философским пальцем в нервный узел проблемы, когда начал говорить о несостоявшемся прорыве к универсальному. Он попал в том смысле, что именно проблема универсального является форматом и описанием кризиса.

Что такое универсальное в данном случае? Когда мы говорим об универсуме, когда мы говорим об универсальном, мы попадаем в очень серьезное метафизическое противоречие. Либо, с одной сто-

роны, мы являемся свидетелями универсального, и тогда мы вне его, и тем самым мы ограничиваем его, и, таким образом, оно уже не универсальное. Либо же наоборот, мы утверждаем себя как часть универсального, но в этом случае, какое право часть имеет высказываться о целом? Как ни крути, сама постановка вопроса об универсальном или о том, что мы называем (с большой буквы) «Все» – это драматический вызов интеллекту, который с неизбежностью ведет к кризису.

Прежде всего, тема универсального неотделима от проблематики монизма как общей подкладки европейского философствования. Сквозь все превратности философских исканий от Платона до наших дней, общая подкладка в философском инстинкте мыслителя, воспитанного в духе эллинизма (а он воспитан в духе эллинизма, даже если творит в начале двадцатого столетия), это все равно подкладка монизма, это монистический инстинкт; а монизм представляет собой более глубокую, более метафизическую постановку вопроса об универсальном.

С самого начала своей истории философия явилась не чем иным, как опусканием метафизики на землю. Если метафизический подход, подход высокого жречества на уровне Пифагора, Эмпедокла, – это сведение конкретного к абсолютному, то философия с самых первых своих шагов, когда она оформилась именно как философия, была попыткой представить абсолютное в виде конкретного. И даже у Фалеса Милетского, даже у Анаксагора мы обнаруживаем всю ту же самую страсть сведения абсолюта с небес в непосредственно представимую конкретику. Поэтому философ, мыслящий в рамках этого посыла, стоит перед большой проблемой взаимоотношений субъекта и объекта. Субъект и объект в этом случае для него являются комплементарными аспектами абсолютного целого. И в тот момент, когда они сливаются, наступает состояние возвышенного познания истины.

Иными словами, фундамент европейской мысли – это то, что сознание определяется как бытие. Это очень важная мысль. Именно здесь зарыта мина замедленного действия. Тождество бытия и сознания возвращает нас к проблеме: каким образом сознание может

свидетельствовать бытие, если оно ему, в конечном счете, тождественно? Вся философская история Европы есть попытка сбалансировать и откорректировать эту внутреннюю драму монизма, эту зарытую внутри него проблематику.

Наиболее полно это представлено у трансцендентальных авторов, у раннего Шеллинга, который сразу же скатился на философию тождества, и мэтра диалектики Гегеля, ибо в его случае диалектический метод есть не что иное, как попытка выйти на свободу из ловушки тождества сознающего субъекта самому себе.

Но проблема в том, что абсолютная идея ни при каких обстоятельствах не превращается в экзистенциальное сознание свидетеля. Вы не можете начать с чистого универсального ничто как исходного содержания абсолютной идеи, а закончить смертным человеком, который находится «здесь и теперь» и является зеркалом, предъявленным реальности. Потому что здесь есть барьер, который нельзя перешагнуть иначе, как совершив философский подлог.

Я хочу сказать, что этот аспект европейского мышления есть не что иное, как выявление внутренней парадигмы всей человеческой метафизики. Ибо, куда бы мы ни пошли, куда бы ни направили свой взор, мы найдем всюду монизм, монизм и один только монизм, начиная от дальневосточной традиции, от индуизма, и кончая друидами, ацтеками и так далее.

Исключение составляют совершенно уникальные традиции Единобожия, традиции авраамических пророков (Да будет мир над ними всеми!), которые осуществили революцию в метафизике, в самом понимании того, что такое сознание и что такое когнитивная способность человека.

Проблема универсализма, которая ставится всеми мыслящими носителями любой традиции в любой цивилизационной системе, — это внутренняя воля, внутренняя необходимость выйти на ту подлинность, которую нельзя определить иначе, как «То, кроме чего ничего нет». Что есть то последнее, достигнув которого, мы можем пережить ощущение избыточности, не допускающей никакую параллельную реальность рядом, ничего кроме себя? Именно этот избыток и есть критерий подлинности. И я скажу больше: